

Литературно-художественное наследие как источник культурологической информации

Общемировая смена культурной парадигмы оказала влияние на эволюцию позиции отечественной гуманитарной науки в отношении источниковедческого статуса литературно-художественного наследия, актуализировав вопрос об информационном потенциале художественной литературы как феномена социальных коммуникаций и источника культурологической информации.

История взаимоотношений исторического знания и художественной литературы

Проблема художественной литературы как источника культурологической информации имеет свою «родословную», корни древа которой уходят в историю взаимоотношений литературы, исторической науки и филологических дисциплин.

В методологическом плане источниковедческие аспекты изучения художественной литературы находятся в прямой зависимости от исходной установки исследователя на традиционную проблему «искусство и жизнь» и от степени преодоления им явного или мнимого противоречия между историческим характером исследования и литературно-художественным материалом.

Дореволюционная академическая школа (В.О. Ключевский, Н.А. Рожков, В.И. Семевский и др.) в духе традиций позитивистского литературоведения отождествляла историю литературных типов с историей реальных людей. Так, исследование В.О. Ключевского «Евгений Онегин и его предки» (1887 г.) практически полностью было построено на анализе библиотек пушкинской поры [10]. Подобный метод изучения темы «был подсказан» историку «самой Татьяной»: «Мы постарались пробраться украдкой в кабинеты людей того времени, разобрать книги, которые они читали и которые читали их отцы, с оставленными на полях отметками крестами и вопросительными крючками»¹.

Советское литературоведение, наследуя идеи реалистической эстетики прошлого столетия, отождествлявшей литературное произведение с реальностью, породило множество концепций относительно роли литературы в обществе, которые в общем случае сводились к следующим вариантам: литература есть отражение

¹ Ключевский В.О. Евгений Онегин и его предки //Ключевский В.О. Исторические портреты. – М., 1990. – С. 412.

общества, литература есть средство воздействия на общественное сознание, литература есть средство социального контроля.

Позиция советского академического источниковедения в отношении художественной литературы длительное время была вполне однозначна: в качестве исторического источника рассматривались только литературные тексты древности. Вопрос о праве историка использовать художественную литературу как исторический источник при изучении новой и новейшей истории долгое время обходили молчанием, хотя в исторических работах произведения этого периода нередко использовались в качестве комментария к событиям и явлениям общественной жизни².

Впервые вопрос об использовании литературно-художественного текста как исторического источника был поставлен в книге С.С. Данилова «Русский театр в художественной литературе», вышедшей в 1939 году [5]. Обосновывая эвристическую ценность художественной литературы для историка театра, автор выделил две группы художественных произведений. К первой он отнес произведения, в которых писатели, опираясь на историко-театральные знания своего времени, изображали театр прошлых эпох. Такие произведения, по мнению автора книги, вне зависимости от художественных достоинств документальной ценности для истории театра не имеют. Во вторую группу С.С. Данилов включил произведения, отражающие современную писателям театральную жизнь. Г. Гуковский, выражая точку зрения историка литературы на поставленную проблему, в предисловии к книге Данилова писал: «ограничивая поле своего внимания только лишь документальным и мемуарным материалом, театровед лишает себя ценнейшего и достаточно обильного материала, образно воплощающего жизнь и творчество театров прошлого – материала тем более ценного, что он дан в освещении лучших представителей театрального зрителя своего времени»³.

В 60–80-е годы XX века выходит ряд работ, свидетельствующих о стремлении историков разработать более четкие дефиниции художественной литературы как исторического источника [14, 17, 18, 20]. В числе ключевых проблем, выносимых на обсуждение, – возможность использования художественной литературы в качестве источника для установления исторических фактов. Так, в ходе дискуссий, проходивших в 1962–1963 гг. на страницах журналов «Новая и новейшая история» и «Вопросы

² Нечкина М.В. А.С. Грибоедов и декабристы. – М., 1947.

³ Гуковский Г. [Предисловие] // С.С. Данилов. Русский театр в художественной литературе. – М.–Л., 1939. – С. 4.

истории КПСС», высказывались самые разные мнения по поводу источниковедческой перспективы художественной литературы: начиная от категорических возражений против закрепления за ней права называться историческим источником и заканчивая примечательным для советской эпохи суждением о том, что «историк партии не в праве пренебрегать источниками, которые в той или иной форме отражают многогранную деятельность партии и идейную жизнь общества» [14, с. 131–132]. В то же время внимание историков обращалось на необходимость изучения проблем «микронравственного сознания» и повседневного поведения людей [Там же, с. 135].

Впервые вопрос о праве историка использовать художественную литературу в качестве исторического источника был поставлен в 1964 г. в статье А.В. Предтеченского «Художественная литература как исторический источник» [17]. Автор обратил внимание на расширение пределов источниковедения за счет выделения из цикла вспомогательных исторических дисциплин самостоятельных отраслей науки. Ссылаясь на довольно обширный ряд высказываний деятелей общественной мысли XIX–XX вв., А.В. Предтеченский делает заключение об идентичности познавательной роли художественной литературы и исторического источника как такового, видя закономерное отличие одной категории от другой в принадлежности их к явлениям разной социальной природы. Так, для обоснования научной истины требуется система доказательств, в то время как в искусстве «ничего доказывать не нужно», поскольку критерием «истины» произведения искусства является его «художественная убедительность» [Там же, с. 81].

В статье А.В. Предтеченского, как и в других работах советского времени, посвященных данной проблеме, вопрос читательского восприятия и «особого мнения» исследователя о произведениях искусства, уже зачисленных на высшем уровне в категорию «истинных» носителей народной, т. е. партийной, правды, естественно не ставился. Весьма характерной в этой связи является ссылка А.В. Предтеченского на слова А.Т. Твардовского, произнесенные им в речи на XXI съезде КПСС, о том, что одни только экономические и социально-политические свидетельства не могли раскрыть истинное значение Октябрьской революции. «Но вот явилось свидетельство художника, и то, что произошло, приобрело для всех нас и наших друзей <...> за рубежами страны значение достоверной картины» [Там же]. Так, при поддержке мастеров культуры создавались исторические и литературные мифы.

Парадокс состоял в том, что признание достоверности с позиций «партийного» историзма ряда произведений русских и советских писателей, тем не менее, не

способствовало закреплению за художественной литературой статуса исторического источника. Обосновывая источниковедческую ценность художественной литературы, А.В. Предтеченский отмечает: «в произведениях некоторых художников <...> художественная убедительность настолько велика, что стирается грань между вымыслом и действительностью, и литературный герой начинает существовать как исторический» [17, с. 82]. Как известно, в дальнейшем подобное отождествление реальных и виртуальных героев породило один из главных мифов социалистического реализма о том, что литература и жизнь – «близнецы-сестры».

Примером традиционного для отечественной исторической науки 1970-х годов подхода к анализу источниковедческого потенциала художественной литературы является и работа И.И. Миронец «Художественная литература как исторический источник» [14]. Несмотря на «идеологические шумы», с неизбежностью сопровождавшие в той или иной мере практически все работы советского времени, научная ценность данного исследования состоит в том, что в нем содержится ряд и сегодня не утративших актуальности положений по поводу объективных факторов, которые сближают интересы исторической науки и художественной литературы. В частности автор статьи отмечает, что зачастую проблемы, находящиеся «на стыке» истории, философии, психологии, довольно трудно решить без привлечения художественной литературы, а порой и вовсе невозможно. Подчеркивая, что для историка художественная литература в первую очередь – источник для изучения истории культурной жизни страны, И.И. Миронец делает попытку сформулировать общие требования к этому специфическому источнику, в числе которых выявление авторской позиции, прямо или косвенно, выраженной в литературном произведении. Однако рядом с этим вполне объективным взглядом на художественную литературу И.И. Миронец дает весьма противоречивые рекомендации в отношении выбора историком произведений, которые могут быть использованы как исторический источник. Так, в первую очередь это «произведения реалистические, исторически достоверные, высокохудожественные» [14, с. 140]. Причем, для выяснения степени их соответствия указанным требованиям используется ленинский принцип партийности, поскольку правдиво отразить жизнь могут только произведения, написанные с его четких позиций, а партийность, как известно, категория не только социальная, но и эстетическая. Так, по сути дела, одним росчерком пера все предыдущие рассуждения И.И. Миронец о художественной литературе как историческом источнике сводятся на нет. Ведь вначале, по логике автора, необходимо установить «партийную»

принадлежность художественного произведения, и только потом принимать решение о его праве быть использованным в качестве исторического источника.

Завершая свою статью, И.И. Миронец по традиции ссылается на знаменитую реплику В.И. Ленина по поводу романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?»: «Он меня всего глубоко перепахал...». На нее как на показательный факт долгое время ориентировалась официальная историческая наука, формулируя критерии источниковедческой полноценности художественной литературы. Однако историческая биография знаменитого романа, под влиянием которого сотни людей делались революционерами, дает культурологу возможность пойти «другим путем». О том, что этот путь усеян не только «шипами», но и «розами», придающим старым текстам новый «аромат», свидетельствует, в частности, известное исследование И. Паперно [16].

На фоне приведенных выше примеров, безусловно, выделяется знаменитая статья Л.Н. Гумилева «Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником?». В этой работе Л.Н. Гумилев, отвечая на вынесенный им в заглавие вопрос, отметил, что «каждое великое и даже малое произведение литературы может быть историческим источником, но не в смысле буквального восприятия его фабулы, а само по себе, как факт, знаменующий идеи и мотивы эпохи. Содержанием такого факта является его смысл, направленность и настроенность, причем, вымысел играет роль обязательного приема» [4].

Из работ 1980-х годов этнографического профиля, посвященных оценке источниковедческого потенциала русской художественной литературы, безусловный интерес представляет статья М.Г. Рабиновича «Город и поэт (к этнографическому источниковедению)». Ее автор настаивает на том, что произведения художественной литературы – важные исторические источники для этнографа, поскольку отражают «конкретную бытовую обстановку определенного места и времени. Наиболее ценная их особенность – наличие художественного образа, живой картины современности» [18, с. 116]. Свой вывод исследователь подтверждает ссылками на произведения русских поэтов и главным образом на роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». При этом автор намеренно отбирает те отрывки из романа, в которых описание окружающей обстановки не главное, а дано через призму «бокового зрения» как «сопровождающий материал». Автор считает, что эмоциональность «слога» ставит под сомнение достоверность описываемого, а «наибольшая объективность и, следовательно, наибольшая научная ценность описаний обеспечены как раз тогда, когда они не имеют

для автора решающего значения, а составляют именно фон, убедительную яркую подробность» [Там же, с. 129].

Статья Е.И. Филипповой «Художественная литература как источник для этнографического изучения города» [20], вышедшая на заре перестройки, оказалась во многом родственной «духу и букве» статьи И.И. Миронец и фактически явилась повторением «старых песен о главном», доминирующим мотивом которых оставался взгляд на художественную литературу как на отражение жизни народа. Опираясь на принципы партийности и историзма, автор статьи обосновывала методiku выявления этнографической информации в текстах русской художественной литературы. В статье содержится обзор «единых» мнений советских историков, как правило, уже известных по статьям других авторов, в отношении источниковедческих способностей художественной литературы. Однако если попытаться прочесть статью Е.И. Филипповой, не акцентируя внимания на присущих ей идеологических «помехах», дидактическом стиле изложения материала и тенденциозной оценке работы Л.Н. Гумилева, то полезной информацией в аспекте исследуемой проблемы можно считать ряд ее положений. Так, ссылаясь на принятую в советском источниковедении дефиницию исторического источника, автор относит художественную литературу к одному из его видов, справедливо полагая, что «источник не перестает быть таковым только оттого, что существуют другие источники, освещающие ту же эпоху, те же события» [20, с. 26]. Исследователь делает следующий вывод: поскольку ядро предметной области этнографии составляет, прежде всего, традиционно-бытовая культура, то «для этнографа художественная литература может служить источником еще в большей степени, чем для историка» [Там же, с. 27]. Далее, в соответствии с принятой традицией ссылаться на высказывания Писарева, Белинского и основоположников марксизма, обосновываются преимущества художественной литературы по отношению к другим источникам информации. В частности, перечень объектов этнографического знания, источником которого является художественная литература, дополнен такими понятиями как стереотипы поведения, ценностные ориентации, убеждения, этническое самосознание, брачно-семейные отношения, культурно-бытовой фон, среда обитания персонажей, обыденное сознание, семейный быт, нормы поведения. Причем, сравнительная ценность каждого конкретного литературного произведения применительно к этнографии, по мнению Е.И. Филипповой, определяется его стилистическими и жанровыми особенностями, тематикой, уровнем компетенции автора, его принадлежностью к тому или иному

общественному или литературному направлению. Отмечая познавательную ценность русской классической литературы и особенно писателей «натуральной школы», автор статьи подчеркивает, что быт и сознание народа находят широкое отражение прежде всего в творчестве тех писателей, чье значение далеко выходит за рамки «этнографической беллетристики».

Перечисляя возможные методы выявления и анализа этнографической информации на различных этапах работы с источниками – структурно-системный, исторического моделирования, частотный, сравнительно-типологический – автор останавливает свой выбор на математико-статистических методах. Приводя множество таблиц и расчетов, Е.И. Филиппова отмечает, что для получения достоверных и объективных результатов данный источник должен использоваться в комплексе с различными видами традиционных этнографических источников.

Из работ рубежного для отечественной истории и науки 1991 года интерес представляет статья Н.О. Думовой «Художественная литература как источник для изучения социальной психологии», посвященная роману М. Горького «Жизнь Клима Самгина» [6]. В источниковедческом контексте автор разделяет художественную литературу на три категории. К первой относятся произведения, отражающие далекий период, от которого не сохранились документальные свидетельства (гомеровский эпос, «Слово о полку Игореве»). Ко второй – исторические романы и повести, написанные спустя много лет после события на основе изучения его по сохранившимся источникам («Война и мир», «Петр I»). Третью категорию составляют художественные произведения, написанные очевидцами или участникам событий (А.Т. Твардовский «Василий Теркин», В.С. Гроссман «Жизнь и судьба»). Произведения, относящиеся к первой категории, служат историческим источником. Художественные тексты, относящиеся ко второй категории, являются источником вспомогательного характера. Произведения третьей группы представляют ценность для изучения социальной психологии, внутреннего мира человека – его типа мышления, мировосприятия.

Оценивая художественную литературу как источник субъективного характера, ориентированный на решение художественных задач, автор подчеркивает, что игнорировать подобные источники информации не следует, так как они способны «обогащать представление историка об изучаемой эпохе», помогая «проникнуть в психологическую атмосферу того времени и понять побудительные мотивы действий широких масс и отдельных личностей» [6, с. 112].

На рубеже 80-90-х годов ушедшего века наиболее значительным вкладом в исследование источниковедческого потенциала художественной литературы стали работы историка книжной культуры А.В. Блюма [1, 2]. Обосновывая обращение к художественной литературе как источнику исторической информации, ученый замечает, что в отличие от литературоведа, для которого «книга в руках персонажа – источник характеристики героя» и «существенная художественная деталь», «для книговеда круг чтения персонажей – ценнейший материал для выяснения и реконструкции типичного репертуара чтения определенной эпохи и той или иной социальной и интеллектуальной среды» [1, с. 5]. «Помимо этого ряд произведений русских писателей позволяет выяснить и уточнить немаловажные особенности книгоиздательского процесса определенной эпохи, отношение современников к профессиональным книжным работникам – издателям, книготорговцам, типографиям, библиотекарям и т. д. Такой подход наполнит знание об истории книги живым содержанием, поможет понять важные детали и нюансы книжного дела, оставшиеся незамеченными и незафиксированными в документальных и иных источниках». Если учесть, отмечает автор, что писателя интересует вовсе не «книговедение», а «человековедение», то – описание личных библиотек героев и прочего книжного антуража – «не просто фон и декорация, а органическая часть художественного произведения» [Там же, с. 6].

В 1990-е годы академическое источниковедение в лице российского историка С.О. Шмидта высказывает свое «последнее слово» по вопросу об источниковедческих «возможностях» художественной литературы. В отличие от гуманитариев, отстаивающих воспитательную и агитационную роль литературы или развивающих традиции изучения «психологических типов», С.О. Шмидт обращался к истории ментальностей, рассматривая произведения литературы как «источник формирования исторических представлений» у массового читателя, как ценный материал «для понимания менталитета времени их создания и дальнейшего бытования <...>» [22].

Среди работ начала нового века, отражающих новые тенденции в истории взаимоотношений исторического знания и художественной литературы – монография М.К. Любарт «Семья во французском обществе XVIII–начала XX века». По мнению автора, художественная литература является «бесценным источником по реконструкции представлений, связанных с браком, семьей, воспитанием детей, внутрисемейными отношениями...» [12, с. 34]. На страницах французской художественной литературы нашли отражение самые острые темы семейной морали,

новые принципы воспитания, роль женщины в обществе и семье, проблемы детства и внебрачных детей. Художественная литература помогает понять содержательную сторону многих демографических процессов: возраст вступления молодых людей в брак и мотивы его заключения, роль их родителей, варианты поведения, проблемы деторождения. Помимо этого благодаря литературным зарисовкам быта исследователь получает представление о внутреннем убранстве жилища, распорядке дня членов семьи, кухне, застольных обычаях, составе домашней библиотеки, повседневных занятиях домочадцев, деталях внутрисемейных и родственных отношений.

Среди других работ последних лет заслуживают внимания литературно-социологические очерки «Образ библиотеки в произведениях художественной литературы», посвященные анализу библиотечных сюжетов, мотивов и образов в произведениях художественной литературы. Очерки написаны профессиональными библиографами и являются первым опытом подобного рода [13]. Материалом для исследования послужили двадцать художественных произведений отечественных и зарубежных авторов (А. Франса, Г. Гессе, Ж.-П. Сартра, У. Эко, М.А. Булгакова, В. М. Шукшина), а также некоторые произведения массовой литературы, в которых, так или иначе, затрагивается библиотечная тематика. Анализ библиотечного компонента в структуре литературного текста позволил авторам составить аналитический обзор по теме и вывести так называемое ситуативное знание социологического характера по проблеме «имидж библиотекаря». Задаваясь вопросом, чем именно художественная литература может дополнить профессиональные публикации по библиотечному делу, авторы очерков приводят следующие аргументы в пользу достоинств художественной литературы как источника «библиотечной» информации [13, с. 3–6]:

- писатели не только описывают деятельность той или иной библиотеки, но и делают обобщения философского характера, касающиеся сущности и смысла книжных собраний; сам факт возникновения новой, постпозитивистской философии библиотечного дела в решающей степени связан с именами Л. Борхеса и У. Эко, чьи художественные произведения («Вавилонская библиотека» и «Имя розы») стали манифестом этой философии;
- писатели способны подметить в деятельности библиотек те явления, которые ускользают от внимания библиотечного работника;
- отношение различных людей к библиотеке зависит не столько от ее известности или официальных показателей ее деятельности, сколько от стереотипов ее восприятия, бытующих в обществе; художественная литература является тем

источником, в котором средствами изящной словесности подробно и точно «презентуются» и анализируются подобные стереотипы; с другой стороны художественная литература способна сама формировать эти стереотипы;

- профессионалам библиотечного дела художественная литература может оказать существенную помощь в разработке таких специфических для этой области тем, как «библиотечная среда», «библиотечный комфорт», или даже «один день из жизни библиотеки», поскольку в профессиональной печати столь образные и яркие описания библиотечных «экстерьеров», «интерьеров» и повседневной библиотечной «кухни» встречаются не часто;

- художественная литература не редко становится источником сведений по истории создания и функционированию личных, в том числе библиофильских библиотек;

- в целом описание сюжетов и образов из повседневной жизни библиотеки в художественном произведении можно рассматривать как дополнительный материал для исследований в сфере библиотечной социологии.

Если абстрагироваться от специфических характеристик анализируемого объекта, перечисленные параметры «информационных способностей» литературно-художественного текста касаются, прежде всего, уровня и глубины художественно-философского и художественно-психологического обобщения явлений повседневной жизни библиотек и библиотечных работников, недоступных языку научных публикаций и в силу различных причин ускользающих от обнаружения их традиционными способами.

В методологическом плане особую роль в источниковедческой биографии художественной литературы сыграл информационно-семиотический подход, представленный в трудах Ю.М. Лотмана и его последователей [9, 11, 15, 16]. В рамках этого подхода исследователь рассматривает текст как объект реального мира, как феномен культуры, формирующий идеи и представления людей. Семиотический подход апеллирует к внутренней точке зрения писателя, его героев и читательской аудитории. Последнее обстоятельство способствует реконструкции моделей ценностных ориентаций всех названных субъектов в контексте культурных образцов своего времени независимо от того, имеет ли исследователь дело с высокой литературой или продуктом массового потребления. «С этой точки зрения малохудожественные, популярные произведения литературы представляют исключительно ценный источниковый материал для исследователя», являя собой

свидетельство «широкой адаптации идей, превращения их в предмет ”массового потребления”» [15, с. 14]. При этом самое искусство слова становится «особым способом “узнавания”» [9, с. 25].

Новая веха в эволюции источниковедческого «образа» художественной литературы связана с постструктуралистскими идеями. Введение Ю. Кристевой и Р. Бартом в широкий научный оборот понятия «интертекстуальность» по существу лишило литературный текст – «мозаику цитаций» «бессознательных и автоматических» – как реальных, так и виртуальных границ. Отрицая волю автора и утверждая свою – читательскую, постструктурализм разоблачил претензии языка на «истинность» в виду «иллюзорного характера любого высказывания» [7, с. 4]. Так, «текст-письмо», трансформируясь в «текст-чтение», приобрел бесчисленное число вариаций, зависимых от вкусовых ассоциаций и тезауруса «читающего». Постмодернистские тенденции в развитии мировой культуры XX века, повлекшие за собой кардинальный сдвиг в методологии гуманитарного знания, привели к осознанию непреодолимости извечного барьера в любых системах социальных коммуникаций.

Обращение европейских гуманитариев нового поколения к культурно-антропологическому, социально-психологическому, лингвистическому измерению прошлого активизировало стремление отечественных историков к новому герменевтическому прочтению исторических текстов. Актуализация опыта французской школы «Анналов», ориентирующего на изучение исторической эпохи как истории ментальностей, стимулировало активное проникновение в отечественную науку методов психологической реконструкции субъективных моделей бытия – поведения, мышления, чувствований замечательных и незамечательных «творцов» истории. «Вживание» исследователя во внутренний мир создателей текстов истории способствовало, в свою очередь, формированию нового методологического кругозора в отношении источниковой базы исторических исследований и пересмотру «исторически сложившегося» в среде ученых пренебрежения информационным потенциалом субъективных «продуктов» художественного творчества.

Об эволюции взглядов отечественного гуманитария начала XXI века на источниковедческий статус художественной литературы в связи с глобальными изменениями в методологии гуманитарного знания наглядное представление дают материалы сборника «История России XIX–XX веков: новые источники понимания» [8]. Так, среди обстоятельств, способствующих сближению исторической науки с

художественной литературой в решении источниковедческих проблем, авторы сборника называют следующие:

- смещение акцента в историческом познании с социально-политического на индивидуально-психологическое, что обусловлено растущим недоверием к глобальным историческим построениям, которые с трудом поддаются проверке на эмпирическом уровне⁴;
- преобладающее стремление обеих сфер творчества – художественного и научно-исторического – к воспроизведению действительности; историчность литературы как документированного выражения духовной истории страны⁵;
- обоюдная неспособность писателя и историка в полном объеме «воссоздать все грани прошлого», даже следуя «герменевтическому принципу вживания в него», так как «на любого человека неизбежно давит груз знаний и представлений того времени, в котором он сам живет и действует»⁶;
- историчность языка литературы как «общественного мета-института», фиксирующего «реалии, понятия и отношения своего времени»⁷;
- историческая истина может быть во всей полноте выявлена только средствами искусства; у литературы больше возможностей раскрыть историческую истину, чем у самой истории; история-искусство выше истории-науки»⁸;

Среди важнейших факторов, разводящих литературу и историю по разные стороны «барьера» в отношении проблемы источниковедческого статуса художественной литературы, историки называют следующие:

- «в любом художественном произведении содержится некая доэстетическая данность из области политики, экономики, социальной жизни», но «под воздействием художественных приемов она настолько деформируется, что перестает быть источником для научно-исторических исследований»⁹;

⁴ Румянцева М.Ф. Историческая наука и художественная литература: от модерна к постмодерну [8, с. 38, 40].

⁵ Никуличев Ю.В. Время, бытие, быт в зеркалах русской литературы XIX века [8, с. 63].

⁶ Сенявская Е.С. Военная проза в аспекте источниковедения [8, с.144–145].

⁷ Никуличев Ю.В. Время, бытие, быт в зеркалах русской литературы XIX в. [8, с. 63].

⁸ [8, с. 57].

⁹ Соколов А.К. Социальная история, литература, искусство: взаимодействие в познании реалий XX века [8, с. 65].

- существует объективное противоречие между «линейным» языковым стилем исторической науки и живописным языком литературного творчества, допускающим множество интерпретаций при чтении¹⁰;
- научное историческое знание выполняет социально-политическую функцию – «формирование общей социальной памяти как основы объединения социума и информационной основы для принятия политических решений», и в этой своей функции оно сохраняет свой суверенитет¹¹.

Культурологическая информация в пространстве литературного текста

Суммируя мнения по поводу проблемы «может ли произведение художественной литературы быть историческим источником?», высказанные в рассмотренных выше работах, можно в обобщенном виде представить следующую картину «движения» современной исторической мысли в этом направлении:

- «существует негласное и почти общепринятое мнение, что художественная литература является не просто субъективной, но находится в области авторских фантазий и не может содержать никаких исторических фактов; на этом основании долгое время традиционное источниковедение, особенно новой и новейшей истории, не рассматривало художественную литературу как исторический источник»¹²,
- «сближаясь с художественной литературой по характеру воздействия на читателя, историческое знание должно оставаться научным, т. е. полученным на основе исторических источников», которые поддаются «воспроизведению и проверке»¹³;
- «поле взаимодействия литературы и истории есть открытая система, и соотносятся они в этой системе, прежде всего, как два домена культуры: меняется культура, меняется и их взаимодействие»¹⁴;
- имея громадный литературный массив, с одной стороны, и сообщество историков с естественно дифференцированными интересами, с другой, «бессмысленно даже и думать о какой-либо специальной каталогизации литературы “для историка”»;

¹⁰[8, с. 75].

¹¹ Румянцева М.Ф. Историческая наука и художественная литература: от модерна постмодерну [8, с. 40].

¹² Сенявская Е.С. Военная проза в аспекте источниковедения. // [8, с. 14].

¹³ Румянцева М.Ф. Историческая наука и художественная литература: от модерна постмодерну [8, с. 40].

¹⁴ Никуличев Ю.В. Время, бытие, быт в зеркалах русской литературы XIX в. 8, с. 63].

«после той работы, что была проделана структуралистской ветвью обществознания в последние десятилетия, сегодня нет, кажется, иной возможности, кроме как считать все литературные тексты прошлого и даже настоящего документами историческими»¹⁵;

- художественная литература имеет ценность «как источник, отражающий ментальность своего времени»¹⁶; литература имеет свойство «нащупывать» и фиксировать реальность, улавливать на бессознательном уровне существующие в обществе настроения, задолго до того, как они будут систематизированы на языке науки и найдут отражение в историографии¹⁷.

Мнения ученых, принадлежащих к различным научным школам, по поводу источниковедческого статуса художественной литературы побуждают перенести акцент с отраслевого взгляда на указанную проблему в междисциплинарное русло культурологического знания, одновременно ответив на закономерный вопрос, возникающий в связи с «переводом стрелок»: «А чем же, собственно, плоды современных культурологических штудий полезнее умозаключений маститых литературоведов предшествующих времен?». «Действительно, что может быть проще, чем заставить великого человека вращаться среди людей, мыслей, предметов, описанных им самим, и выпотрошить до полусмерти его книги, для того чтобы начинить ими свою собственную?»¹⁸. И, быть может, прав В.В. Набоков, утверждая, что «В конце концов, <...> идеи в литературе не так важны, как образы и магия стиля»¹⁹.

По своей междисциплинарной природе культурология, не следуя единой системной методологии, работает на границе различных социально-гуманитарных дисциплин. Однако при этом она «не замутняет научные понятия и исторические контексты, а, наоборот, добавляет уровни саморефлексии» [3, с. 5]. В этом смысле следует признать, что не строгое по форме, но образное по содержанию суждение о том, что все, к чему прикасается культурология, становится культурологией, довольно точно отражает специфику культурологического подхода как такового.

Выбор конкретного варианта культурологической модели литературного текста как феномена социальных коммуникаций и источника культурологической информации во многом зависит от того, какое содержание исследователь вкладывает в

¹⁵ Там же

¹⁶ *Сенявская Е.С.* Военная проза в аспекте источниковедения [8, с. 144].

¹⁷ *Соколов А.К.* Социальная история, литература, искусство: взаимодействие в познании реалий XX века [8, с. 67, 73].

¹⁸ *Набоков В.В.* . Лекции по русской литературе. – М., 2001. – С.413.

¹⁹ Там же. – С.240.

понятия «информация» и «коммуникация», являющиеся по сути своей двумя сторонами одной медали – культуры²⁰.

С позиции социальной информатики культурологическая информация может быть определена как специализированная социальная информация о фактах (событиях, явлениях, людях) и концепциях (идеях, теориях) в истории культуры, ориентированная на целевые профессиональные группы потребителей (в отличие от массовой, предназначенной для широкой аудитории)²¹. В общем случае в семантическое поле культурологической информации попадают такие «факты и концепции», как социально-культурное пространство и время, социально-культурная память и менталитет, идеалы и символы эпохи, субъекты культуры, их коммуникационные потребности и ценностные ориентации, модели мышления, чувствования, поведения, духовно-предметная среда и интеллектуальная мода, этика и эстетика повседневной и праздничной культуры.

Объективно три обстоятельства придают литературно-художественному тексту статус источника культурологической информации:

- уникальность экспрессивных способностей слова как основополагающего «атома» и первичного элемента текстового взаимодействия любого уровня (внелитературного или литературного);
- коммуникационная природа литературного текста; эволюция читательского опыта, способствующая «другому» прочтению «старых» текстов (новая социокультурная, прагматическая, эмоциональная ситуация).

Генезис и функционирование культурологической информации в пространстве литературного текста провоцирует сама повседневная реальность, порождающая тексты межкультурной и междисциплинарной природы. При этом в историческом времени информационный культурологический потенциал литературного текста остается практически неисчерпаемым. Каждый день, уходя в историю, имеет перспективу стать объектом культурологических размышлений, поскольку «в событиях и продуктах социально-исторического бытия (включая художественные <...> произведения)» культурология видит, «прежде всего, процессы и результаты

²⁰ Подробнее: Манкевич И.А. Литературные коммуникации и культурологическое знание // Вопросы филологии. – 2006. – № 1. – С.167–175.

²¹ Соколов А.В., Манкевич А.И. Информатика в перспективе (К вопросу о классификации видов информации в системе наук коммуникационного цикла). // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – 1971. – № 10. – С.5–9.

реализации интересов и потребностей людей...» [21, с. 44], а они, как известно, весьма изменчивы не только в историческом, но и в живом, текущем времени.

Кроме того, для культуролога, в отличие от источниковедческих предпочтений филолога или историка, любой художественный текст независимо от времени его создания, авторской, мировоззренческой или жанровой принадлежности, потенциально информативен. Семантическая информация, заложенная автором в художественном произведении, гораздо обширнее, чем собственно его текст. В этом отношении произведения мировой классической литературы, чье текстовое пространство соткано из смыслов-образов различных культурных пластов, можно рассматривать не только как «романы культуры», но и как ее гипертексты. «Гипертексты» классического литературного наследия, будучи понятными образованной аудитории своего времени, для читателей иных поколений превращаются в «упакованный файл», хранящий мегабайты культурных смыслов, причем не только скрытых «между строк» в авторских ассоциациях, аллюзиях и аллегориях, но и в идеологических наслоениях, сопровождавших их «другую жизнь» в последующие эпохи.

Литературный текст, прочитанный исследователем на языке литературной культуры его производителей и/или потребителей в контексте избранной исследователем коммуникационной ситуации, обретает статус источника культурологической информации. При этом объектами культурологического анализа становятся информационные функции художественных образов, «увиденные» в контексте мысленной интеграции макро- и микроанализа литературного текста как текста культуры. В идеале задача культурологического познания художественного текста требует от исследователя «равного умения охватить предмет мыслью и уловить чувством, то, что еще не поддается мысли»²². Именно благодаря взаимодействию логического и внелогического внутри системы культуры рождаются новые смыслы культуры, новая информация.

Что же касается историка, то для него (при условии, что он не собирается выходить за пределы традиционных границ своей области) художественная литература как источник информации будет представлять интерес только в трех случаях:

- если текст является носителем уникальной информации, незафиксированной в иных документах;

²² Гаспаров М.Л. Диалектика Лотмана // Ким Су Кван. Основные аспекты творческой эволюции Ю.М. Лотмана. – М., 2003. – С. 6.

- если его автор является непосредственным свидетелем описываемых в произведении событий;
- если сведения о персонаже, содержащиеся в произведении, подтверждаются источниками другого рода; в этом случае литературный текст может быть использован либо как иллюстрация к уже добытому другими науками знанию, либо как дополнительный источник доказательств (или опровержений) научных гипотез, в том числе, в отношении исторического мировидения самого автора текста.

Для массовой аудитории художественная литература, отражающая события большой или малой (частной) истории, становится источником исторических представлений, обогащающих их культурный тезаурус и способствующий формированию массового сознания, но не источником культурологической информации как таковой. Исключение составляют литературные произведения, сопровождаемые культурологическим комментарием для «срединного» читателя, в том случае, если тот счел необходимым для себя к нему обратиться.

Совершенно особое значение художественная литература приобретает как источник культурологической информации о повседневной жизни. При этом для культуролога обращение к литературно-художественному наследию как к технике «быто-летописания» и способу презентации бытия «человека частного» в контексте взаимодействия повседневных и литературных текстов культуры представляется перспективной сферой познания не только в сугубо информационном, но и в методологическом аспекте. Однако «философия взаимодействия» культурологии и филологии в процессе познания явлений повседневной жизни – это тема отдельной статьи.

Список литературы

1. *Блюм А.В.* Читатели и книжные работники в русской художественной литературе: Учебное пособие. – Л., 1989.
2. *Блюм А.В.* Художественная литература как историко-книговедческий источник: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук /СПбГИК. – СПб., 1992.
3. *Бойм С.* Общие места: Мифология повседневной жизни. – М., 2002.
4. *Гумилев Л.Н.* Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Русская литература. – 1972. – № 1. – С. 73–82.

5. Данилов С.С. Русский театр в художественной литературе. – М.–Л., 1939.
6. Думова Н.О. Художественная литература как источник для изучения социальной психологии //О подлинности и достоверности исторического источника на примере романа-эпопеи М.Горького «Жизнь Клима Самгина») – Казань, 1991. – С. 112–117.
7. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996.
8. История России XIX–XX веков: новые источники понимания / Под ред. С.С. Секиринского. – М., 2001.
9. Ким Су Кван. Основные аспекты творческой эволюции Ю.М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личностность». – М., 2003.
10. Ключевский В.О. Евгений Онегин и его предки // В.О. Ключевский/ Исторические портреты. – М., 1990. – С. 408–426.
11. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2000.
12. Любарт М.К. Семья во французском обществе, XVIII–начало XX века. – М., 2005.
13. Матвеев М.Ю. Равинский Д.К. Образ библиотеки в произведениях художественной литературы: Литературно-социологические очерки. – СПб., 2003.
14. Миронец И.И. Художественная литература как исторический источник (к историографии вопроса) // История СССР. – 1976. – № 1. – С. 125–141.
15. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – М., 1999.
16. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. – М., 1996.
17. Предтеченский А.В. Художественная литература как исторический источник. //Вестник Ленинградского университета. – 1964. – № 14. – С. 76–85.
18. Рабинович М.Г. Город и поэт (к этнографическому источниковедению). //Советская этнография. – 1985. – № 1. – С. 116–129.
20. Филиппова Е.И. Художественная литература как источник для этнографического изучения города // Советская этнография. – 1986. – № 3–4. – С. 26–36.
21. Флиер А.Я. Российская культурология и ее общие основания как системы знаний.// Вестник МГУКИ. – 2003. – № 1. – С. 34–45.

22. *Шмидт С.О.* Художественная литература и искусство как источник формирования исторических представлений // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. – М., 1997. – С.113–115.